

Автопортрет:
писатель
и время

Вместо предисловия

В последний день марта я приехал из Гаваны в небольшой городок Сан-Антонио-де-лос-Баньос, где находится Международная школа кино и телевидения, в создании которой самое деятельное участие принимал всемирно известный колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес. Любознательно показывая классы и аудитории, рассказывая о студентах, Маркес пояснил, что задача школы — профессионально готовить к творческой жизни молодые таланты из стран Латинской Америки, Азии и Африки. На редкость интересно было слушать лекцию писателя о том, как строить и развивать сюжет.

Возвращались мы в Гавану вместе с Маркесом и по пути беседовали о его творчестве, о проблемах сложной и трудной современной жизни. Писатель сразу же сказал, что собирается скоро приехать в СССР — увидеть собственными глазами те большие перемены в нашей действительности, о которых много читал и слышал. Они вызывают у автора «Ста лет одиночества» самый пристальный интерес.

Но больше всего волнует писателя судьба его родного «пылающего континента». В 1979 году я говорил в Мексике с Маркесом о перспективах сандинистской революции в Никарагуа. Тогда он не был уверен, что удастся свергнуть режим Сомосы, и с тем большим энтузиазмом приветствовал победу никарагуанского народа.

— Сегодня, — сказал Маркес, — в Латинской Америке ситуация несколько улучшилась, открываются хорошие перспективы. Сейчас все государства Латинской Америки, кроме трех — Чили, Парагвая, где господствуют фашистские режимы, и Колумбии (у нее нет представительства на Кубе), установили дипломатические отношения с Кубой.

По существу, лишь два фашистских режима не признают революционную Кубу, и в этом Габриэль Гарсиа Маркес видит знамение времени, движение социального прогресса на континенте.

Габриэль Гарсиа Маркес рад успешной борьбе народа Никарагуа. Он думает, что едва ли в условиях «ирангейта» Рейган решится отдать приказ о вторжении в эту свободную центральную-американскую республику. «Но, — предостерегает он, — нужно сохранять бдительность».

Писатель активно поддерживает идею безъядерного мира. Говоря о положении в Соединенных Штатах Америки, замечает, что США продолжают тратить огромные средства на гонку ядерных вооружений, которая расшатывает их экономику.

— Прогрессивные силы США, — говорит Маркес, — не могут с этим ничего поделать, если даже к власти придет «хорошее» правительство. Единственно возможное решение проблемы — изменить систему США, но эта перспектива представляется утопичной. Американские писатели, по мнению Маркеса, недостаточно влиятельны, чтобы оказать воздействие на общественное мнение США, тем более — на политику администрации.

— В Латинской Америке дело обстоит иначе, — замечает он, — Я знаю многих писателей, и все они поддерживают идею безъядерного мира, потому что они гуманисты.

— У вас, в Советском Союзе, — продолжает Маркес, — происходят интересные события. Я очень хочу приехать к вам. Мне нужно увидеть все своими глазами. В начале июня я буду присутствовать на заключительной части встречи врачей, выступающих против ядерной войны. К тому времени закончен роман и буду чувствовать себя не связанным творческими обязательствами, хочу все посмотреть без спешки.

Мы приехали в Гавану, где у Габриэля Маркеса была назначена встреча.

— Ну, а на ваши остальные вопросы, — сказал он на прощание, — отвечаю в Москве. До свидания!

Вот что мне хотелось написать вместо предисловия к содержательному интервью с Габриэлем Гарсиа Маркесом, которое «Литературная газета» перепечатывает сегодня из итальянского еженедельника «Эпока» с небольшими сокращениями.

Я. ЗАСУРСКИЙ,
профессор

— Сеньор Маркес, однажды вы заметили: «Я бы никогда не смог написать книгу на заданную тему; обычно я иду от образа или чувства»...

— Правильно. Толчком к созданию любой моей книги всегда служит образ. Образ, живший во мне годами, к которому постепенно, словно ракушки к лодке, прирастал сюжет. К слову сказать, сейчас в Школе кино и телевидения здесь, в Гаване, я веду семинар на тему: как строить рассказ. В нем участвуют десять студентов, и каждому было предложено выразить идею, которая могла бы лечь в основу рассказа. Но все они принесли некие абстрактные «конструкции». Возможно, кто-то из писателей работает именно так, для меня же это совершенно исключено.

— Скажите, вам нравится, когда вас называют «представителем магического реализма»? Такое определение вас устраивает?

— Нет, я не признаю формулы «магический реализм». Я чистый реалист. Просто в действительности карибских стран и Латинской Америки, да и во всякой, думаю, реальности, гораздо больше волшебного, чем принято думать. Слыхом мы еще во власти картезианства.

— Значит, вы считаете себя реалистом?

— Реалистом. Я бы даже сказал — горьким реалистом.

— Горьким? Почему?

— Мы, жители стран бассейна Карибского моря, слышем людьми очень веселыми, открытыми. На самом же деле мы самые замкнутые и грустные люди на свете.

— Говорят, прежде чем сесть писать, вы надеваете рабочий комбинезон. Это правда?

— Да... Просто потому, что так значительно удобнее. Человек встает рано утром, застегивает «молнию» на комбинезоне и может приступать к работе. Дело в том, что я учился в колледже с очень суровым уставом: нас поднимали в пять утра и обливали во дворе холодной водой, на занятия же мы должны были являться в пиджаке и при галстуке. С тех пор у меня осталась привычка садиться за работу одетым, побритым и т. д. Ну, а самый простой и быстрый способ одеться — натянуть на себя рабочий комбинезон.

— Прежде чем говорить о мире вашей поэзии, давайте поговорим о технической стороне вашего творчества. Хотите знать, как вы пишете.

— Я работаю ежедневно. Просыпаюсь в шесть утра и два часа занимаюсь чтением: при моей загруженности другого времени для чтения не остается. В девять сажусь за машинку и работаю до двух. И так — каждый день, на протяжении всей недели, при том, что у меня не бывает выходных. Если мне это по какой-либо причине не удается, я испытываю ужасные угрызения совести, мне кажется, что я не заработал права на обед...

— Работаете вам легко или трудно?

— Я пишу уже четыре десятка лет и за это время научился писать не перенапрягаясь. Этому можно выучиться, существуют разные приемы. Поначалу я долго просиживал над чистым листом, и это было ужасно, случалось, не знал, что делать. Теперь иначе — я не сяду писать книгу, если предварительно всю ее не продумаю, не выстрою в уме так, словно она уже мною прочитана. Только после этого сажусь писать. Работа над первой главой может длиться долго, иногда до года. С остальной же частью я могу уложиться и в три месяца. В первой главе определяются стиль книги, ее тональность. Даже объем произведения для меня предопределяется первой главой. Что же до каждодневной работы, то тут у меня есть один рецепт. Я перенял его у Хемингуэя, который утверждал, что никогда нельзя завершать всю работу, назначенную на день: обязательно нужно оставить немножко на завтра. И когда на следующий день просыпаетесь, то уже знаете, с чего надо начинать — и никаких проблем! Говоря по правде, писательский труд меня совершенно не утомляет, напротив, те мгновения абсолютного счастья, которые мне выпадают в жизни, связаны с работой.

— Какую из ваших книг вы считаете наиболее удавшейся? Какую из них вы любите больше остальных?

— Какая из них удалась лучше других, не знаю, но самая любимая моя книга «Полковнику никто не пишет». Она получилась именно такой, какой

Габриэль Гарсиа МАРКЕС: «МГНОВЕНЬЯ АБСОЛЮТНОГО СЧАСТЬЯ...»

я ее надумал. Остальные можно считать более или менее совпавшими с моим замыслом. На втором месте у меня «Хроника одного объявленного убийства». Из чего вы можете сделать вывод о моем пристрастии к коротким вещам — французы называют их «nouvelles» (повести). Повесть я предпочитаю роману, так как ее форма позволяет мне значительно лучше контролировать материал.

— Говорят, вашу фантазию питают сказки, которые рассказывала вам бабушка. Это правда?

— И да, и нет. То, что она мне рассказывала, не было сказками, но ее рассказы дали мне стиль. Все дело в том, чтобы суметь рассказать самую невероятную басню, самую фантастическую историю с таким серьезным видом, что невозможно не поверить в их истинность.

— Вам немало пришлось поголодать первые годы, когда действительно есть было нечего. Но потом вы стали весьма богатым человеком. Какие же воспоминания оставил у вас по себе настоящий голод?

— К сожалению, голод отдельного человека забывается очень быстро. Биштекс, которым ты насытился, заставляет забыть и голодный день, и целый голодный год. Поев, сразу забываешь о голоде, и потому я не помню драматизма своего голодного прошлого.

— А богатство? Дало оно что-нибудь писателю Маркесу или нет?

— Дало многое, много вещей, помогающих жить и писать. Проблема денег заявляет о себе, когда она влияет на характер, на личность человека. Но это не мой случай, потому что я считаю себя не богачом, а бедняком, у которого появились деньги. Это совершенно разные вещи... Богатство обуславливает характер и поведение человека лишь тогда, когда оно доходит до сердца. Но моего сердца оно не затрагивает.

— Но разве переход от бедности к богатству не чреват опасностью утраты собственного «я»?

— Возможно, в этом есть известный риск, однако я могу говорить только о себе, не обобщая. Я хорошо запомнил высказывание Сартра, которое уже цитировал: «Классовое сознание начинается тогда, когда человек отдает себе отчет в том, что перейти из одного класса в другой невозможно».

— Это именно ваш случай?

— Я всегда верен своему классу. В сущности, я продолжаю оставаться тем бродягой, каким и был.

— В чем воплощаются ваши политико-революционные устремления?

— В том сознании единства, которое овладевает сегодня народами стран Латинской Америки... Я говорю о сознании, что нужно принимать решения и действовать сообща; оно заявляет о себе все громче, и сегодня это сознание — мой идеал в политике.

— Что значит для вас политика?

— Пожалуй, это самое трудное на свете. Я говорю, конечно, только о себе.

— В 1973 году, когда Пиночет пришел к власти, вы заявили, что не будете публиковать свои книги, пока он не уберется. Но Пиночет все держится, а вы продолжаете писать. Нет ли здесь противоречия?

— Жизнь писателей изобилует и проигранными сражениями. Эту битву я проиграл, но окончательная победа будет за нами. Я пришел к выводу, что если буду писать хорошие книги, то причину Пиночету больший ущерб, чем если перестану писать.

— Куба и Кастро продолжают и сегодня оставаться для вас легендой?

— Нет, они — не легенда. Для меня они — реальность.

— Но вы писали: «Я наблюдал кубинскую революцию в непосредственной близости, однако никогда не упоминал о ней в своих книгах». Почему?

— Я настолько отождествляю себя с кубинской революцией, меня связывают такие тесные отношения с народом и руководителями этого острова, что как пропагандист кубинской революции я неэффективен...

— Бывший друг, а ныне ясный противник Фиделя Кастро, Карлос Франки утверждает, что вы, Маркес, самый просоветский писатель из всех, представляющих испаноязычную литературу, и, как челнок, суете между Москвой и Гаваной. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Я хорошо знаю Карлоса Франки, так сказать он не мог. Ему известно, что мои отношения с Советским Союзом никогда не были чрезмерно близкими.

— Как, по-вашему, кто действительно больше всех стремится к установлению мира во всем мире?

— По-моему, к миру стремится мно-

жество людей разных классов, настроений — их большинство. И думаю, что когда многие правительства становятся перед необходимостью борьбы за мир, то это происходит главным образом под давлением народов, жаждущих мира.

— Утверждают, что в 1982 году вас принял папа Войтыла, который хотел получить информацию о Латинской Америке в связи с его предстоявшей тогда поездкой в Мексику. Как все это было?

— Это я добивался встречи с ним, потому что хотел просить содействия папы в деле помощи аргентинским «дезапаресидос». Встреча была очень короткой, аудиенция носила совершенно неформальный характер. Я изложил ему свою просьбу, он ответил, что подумает. Но ничего сделано не было. У меня осталось воспоминание о нем как о человеке, который чувствовал себя еще очень неуверенно — тогда он только-только приступал к своим обязанностям. Мне показалось, что он еще не вполне ощущает себя хозяином на этом месте...

— Считаете ли вы возможной встречу Иоанна Павла II с Фиделем Кастро?

— Полагаю, она возможна. Мне кажется, что условия для этого с каждым днем становятся все благоприятнее, и надеюсь, подобная встреча могла бы принести хорошие результаты для дела мира.

— Скажите, сеньор Маркес, какое место занимала и занимает в вашей жизни любовь?

— Любовь — моя единственная идеология. Подчеркиваю: все, что я делаю, все, что существует вокруг, я могу постигнуть только через любовь. Подчеркиваю снова: любовь — моя единственная идеология.

— Я задавал этот вопрос потому, что в вашем последнем романе «Любовь во время чумы» речь идет о любви, которая длится до глубокой старости. Истину, вы боитесь старости?

— Старости я не боюсь. В моей семье все долгожители: отец умер в полном сознании в восемьдесят четыре года, матери — восемьдесят два, но голова у нее ясная. В общем, я надеюсь, что гены обеспечат мне ясность мысли, если я доживу до таких лет. Остальное меня не волнует, главное, чтобы голова работала.

— А смерти вы боитесь?

— Смерти — нет, не боюсь. Умирания — да. Меня как писателя страшит, что самое главное событие моей жизни — им будет смерть — я не смогу описать.

— Какое место занимают в вашей жизни религия и бог?

— Увы, бог в моей жизни не занимает никакого места. Хочу надеяться, что если бог существует, то, может, я занимаю какое-то место в его жизни.

— Известно, что вашими первыми учителями в литературе были такие разные писатели, как Кафка и Джойс. Потом пришел Фолкнер. Сейчас, спустя столько лет, чувствуете ли вы чье-либо влияние?

— Подумать только! Каждому писателю обязательно задают вопрос: кто повлиял на его творчество? Впервые, писатель вряд ли отдает себе отчет, под чьим влиянием он находится. Во-вторых, если человек испытывает на себе груз влияния крупного писателя, он делает все возможное, чтобы не только не походить на него, а, наоборот, как можно сильнее от него отличаться. Что касается Кафки и Фолкнера, то я всегда стремился освободиться от их влияния.

— Роза закончил недавно экранизацию вашей повести «Хроника одного объявленного убийства». Вы довольны, что по вашим книгам снимают фильмы?

— Нет, мне это не нравится. Я думаю, что, читая книгу, каждый имеет возможность самостоятельно вообразить себе всех персонажей. Я бы предпочел, чтобы мои книги оставались просто книгами, для кино я мог бы сочинить что-то другое. «Хроника одного объявленного убийства», перенесенная на экран, — это уже совсем другая вещь. Это событие, взятое из реальной жизни, фактически — роман; зрительный журналистский репортаж... Сценария я не читал, его сделали Франческо Роза и Тонино Гуэрра. Они просили меня ознакомиться с ним, но я сказал Розе: «Если ты действительно хочешь сделать фильм, не давай мне читать сценария, не то всю оставшуюся жизнь мы проведем в спорах и фильм никогда не будет закончен...»

— Вы пишете что-нибудь новое?

— Я думаю. Это, кстати, тоже работа над книгой.

Перевела с итальянского Э. ДВИН

* Деапаресидос (исп.) — пропавшие без вести.